PG
3330
.D5K6

КОЛЬЦО.

Повѣсть въ стихахъ.

Сог. М. Дрейгарфена.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА.
1847.

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

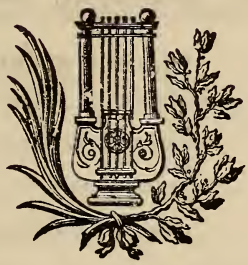
КОЛЬЦО.

Dreigarfen, M

КОЛЬЦО.

Повѣсть въ стихахъ.

Соч. М. Дрейгарфена.



МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА.
1847.

PG3330
.D5K6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 18 дня, 1847 года.

Цензоръ Николай Зерновъ

Въ полденный жаръ, въ тѣни деревъ,
Надъ тиховодьемъ Москворецкимъ
Звенѣлъ игривый голосъ дѣвъ.
Судя по ихъ забавамъ дѣтскимъ,
Для нихъ чужда была печаль.
Или, въ часы улыбки счастья,
Мы не заглядываемъ въ даль,
И, въ ясный день, не ждемъ ненастья?
Струю кидали, и потомъ
Онѣ смѣялись, какъ скользила
Въ эфирѣ искристымъ ручьёмъ,
И, разсыпаяся, дождила.

То вдругъ скакали вдоль рѣки,
То на колѣна вдругъ бросались,—
Въ водѣ пускали пузырьки;
Ловили рыбку, и плескались. . . .

О! вы, забавы нѣжныхъ лѣтъ
Въ кружкѣ невинности веселой,
Остановилъ бы вашъ полетъ
Въ предѣлы опытности зрѣлой.
Рѣзвитесь юные пока.
Законовъ времени, природы
Неумолимая рука,
На всёмъ бѣгу, замѣнитъ годы.
Счастливъ, кто мудрый между васъ,
И, приготовиться умѣя,
Безстрашно встрѣтитъ жданный часъ.

То, вотъ затѣйливо Агнея,
Не шевелившися, плыветъ;
То пѣну бьетъ ногою гибкой;

То, вдругъ она на дно нырнетъ
Легко, проворно, словно рыбка,
И достаетъ рѣчной песокъ,
Кремешки моя на ладони.
Но вдругъ отчаянный прыжокъ,—
Она боится быть въ загонѣ
Отъ злыхъ насмѣшливыхъ подругъ.
Есть чѣмъ потѣшиться нахальнымъ;
Весьма простителенъ испугъ:
Кольцо на палецъ обручальный
Надѣлось, будто чьей рукой.
Подруги, обнявши Агнею,
Толкуютъ, ахаютъ; порой
Коварно подсмѣютъ надъ нею;
Порой сумѣютъ потужить
И вздохъ пустить довольно громко.
На сердцѣ зависть можетъ быть;
Но сердце дѣвушки потёмки.

Съ тѣхъ поръ Агнея не она:
Куда дѣвались всѣ затѣи?

Всегда задумчива, грустна;
Никто не узнаетъ Агнеи.
Изчезъ любезный этотъ нравъ:
Бывало, игры вымышляетъ,
Теперь, она бѣжитъ забавъ;
Бывало, всѣхъ развеселяетъ,—
Всегда душей своихъ подругъ,
Теперь, на всѣхъ наводитъ скуку;
Сидитъ всегда въ кругу старухъ
И нѣжно жметъ въ морщинахъ руку.
Въ театрѣ, въ паркѣ ни ногой—
Вездѣ съ людьми ей стало душно;
Въ одной алеѣ вѣковой
Ей хорошо въ саду Нескучномъ:
Тамъ поселилася она—
И день, и вечеръ все въ мечтаньѣ;
Природа тамъ дика, мрачна;
Унывно тамъ ручьевъ журчанье,
Бѣгущихъ въ пропасть съ высоты.
Для ней грустить необходимо:
Съ тоской сроднилися мечты,
И стала грусть мечтой любимой.

Тамъ, гдѣ Москва рѣка змѣитъ
Подъ крутизной ея отвѣсной,
На бѣлокаменную видъ
Очаровательно — прелестный:
Здѣсь группы зданій, какъ коверъ
По скату стелется богатый;
Лѣвѣе кремль, какъ бы шатеръ,
Изъ за-стѣны своей зубчатой,
На ровной высотѣ, царитъ,
Великолѣпнѣйшій, стоглавый.
Глазамъ тамъ сердце говоритъ:
Любуйтесь вы родною славой.
Не принятъ кѣмъ святой порывъ?
Какое сердце было нѣмо,
Не отозваться на призывъ,
Не воспарить въ края эдема?
Стоитъ тамъ древній Божій храмъ,
Вѣковъ свидѣтель тамъ обитель;
Всегда, во славу Бога, тамъ
Живалъ какой нибудь святитель,
Для озаренья нашей тьмы,
Для подкрѣпленья малодушныхъ;

Смиряя гордые умы
И утѣшаючи послушныхъ.
Когда сбывалась быль моя,
Обитель славилась смиреннымъ
Отцемъ святаго житія.
Съ сей ветхой скиніи согбенной
Духъ свѣтлый чистыхъ не слеталъ:
Среди зимы его суровой,
Огонь весны ему сіялъ.
Познавъ онъ истинное слово,
Смотрѣлъ на этотъ бѣдный міръ,
Грѣховъ исполненный и шумный,
Страстямъ предавшихся кумиръ,
Какъ правый мужъ и старецъ умный.
Всегда въ своихъ поступкахъ строгъ,
И, милосердуя къ собратамъ,
Къ спасенью кротостію влёкъ;
Тѣснилъ любовью духъ разврата:
Онъ зналъ, что злоба гонитъ прочь,
И друга дѣлаетъ враждебнымъ,
Что кротость духа, неба дочь,
Влечетъ враговъ жезломъ волшебнымъ.

Какъ пастырь добрый шелъ пасти,
Запасшись посохомъ терпѣнья;
Болѣлъ о сбившихся съ пути,
И ликовалъ ихъ обращенье.

Лампада теплитъ тихій свѣтъ
Предъ образами у кіоты.
Любовью истинной согрѣтъ,
И съ вѣрой въ непремѣнность іоты,
И съ твердою надеждой ликъ
Смиренно старецъ, безъ боязни,
Передъ Спасителемъ поникъ:
Не какъ преступникъ, ждущій казни,
Не какъ надменный фарисей;
Но сынъ, просящій всепрощенья,
Молящій рабъ Царя царей,
На милость въ полномъ увѣреньѣ.
Послушникъ старца, передъ нимъ,
Какъ будто къ полу пригвожденный,

Стоитъ какъ мраморъ недвижимъ,
Благоговѣя предъ священной
Его бесѣдою съ Творцемъ,
Исполненнымъ любви къ твореньямъ.
Безмолвствуетъ, но весь огнемъ
Горитъ послушникъ въ нетерпѣньѣ:
Излить онъ жаждетъ изъ груди,
Давно въ ней скрытое желанье.
Призывъ, « теперь, мой сынъ, приди
Въ объятія », прервалъ молчанье.

При мнѣ, десятый разъ, рѣка
Проноситъ льды передъ стѣною;
Природы щедрая рука
Намъ шлетъ, десятою весною,
Животворящее тепло;
Съ горъ нашихъ воды съ шумной данью
Спѣшатъ въ Московское русло,
И дерны благотворной дланью
По крутизнамъ разостланы,
Ужъ десять лѣтъ, какъ мнѣ всѣ чужды,
Кто существуетъ внѣ стѣны.

Мнѣ тамъ утѣхъ искать нѣтъ нужды.
Ужъ десять лѣтъ, и наконецъ,
Довольно лѣтъ для искушенья;
Благослови меня, отецъ,
Принять святое постриженье.
Молчишь, не медли: грозный сонъ,
Все тотъ же, сряду, три вотъ ночи.
Мой духъ имъ страшно возмущенъ:
Огонь въ мозгу, пылаютъ очи.
Когда полночный часъ пробьётъ
На нашей башнѣ монастырской,
Я вижу, дѣвица идётъ
И манитъ снова къ жизни мірской.
Невиненъ дѣвы этой видъ,
И на устахъ всегда улыбка;
Съ главы и плечъ вода струитъ,
И станъ ея прямой и гибкой
Всегда подъ бѣлымъ полотномъ;
Грозитъ, на палецъ обручальный
Надѣтымъ, золотымъ кольцомъ.
И пробуждаюся печальный.
Засталъ мой двадцать пятый годъ

Меня, живущаго безъ цѣли.
Наскучилъ пошлостью заботъ;
Забавы свѣта надоѣли—
Удушливъ сталъ мнѣ ихъ приливъ,
И я отвергнулъ увлеченья.
Назначенъ мнѣ иной призывъ,
Или, быть можетъ, Провидѣньемъ
Мнѣ включено то въ сумму дней,
Что обойдетъ моихъ собратій.
Любилъ я искренно друзей;
Но ледъ расчитанныхъ объятій
Давилъ пылающую грудь.
Любить прекрасное готовый,
Боялся въ сердце заглянуть.
Въ любви другіе видятъ ковы;
Есть люди, но въ нихъ рыбья кровь;
Иныхъ губитъ расчетъ презрѣнный.
Не такъ смотрѣлъ я на любовь,
И почиталъ её священной;
Она, я думалъ, жизнь цвѣтитъ:
Другъ вѣрный, вѣчный другъ супруга
И ваши радости дѣлитъ,

И сократитъ часы недуга,
И сокрушитъ напоръ тоски.
Но другъ всей жизни, неразлучный
До самой гробовой доски,
Бѣда, когда товарищъ скучный—
Искатель внѣ семьи отрадъ,
Врагъ тихихъ, мирныхъ наслажеиій.
Напрасно думать, слить нашъ ядъ
И горечь въ безднѣ увлеченій;
Пиры, сторонніе кружки,
И все, что въ свѣтѣ узорочно,
Не унесетъ изъ насъ тоски—
Займетъ не много, но не прочно.
Невинность сердца, миръ души,
Мы только съ вами знаемъ счастье;
Безъ васъ вездѣ не хороши.
На все взглянувши безъ пристрастья,
Остался въ свѣтѣ одинокъ;
Не сталъ искать въ нѣмомъ отвѣта;
Мнѣ указалъ мой добрый рокъ
На путь прямой, бѣжать отъ свѣта.
Люблю лѣса и цѣпи горъ:

Въ лѣсу душѣ разгулъ просторный;
Паря, съ горы, царитъ нашъ взоръ
И выситъ мысли воздухъ горный.
Осуществилися мечты;
Услышалъ грѣшника Спаситель:
Среди прекрасной высоты
Рабу назначена обитель—
Вступилъ, и не былъ дальше вратъ,
И что тамъ дѣлаютъ, не вѣдалъ.
Ужъ десять лѣтъ тому назадъ,
Тебѣ, тогда же, исповѣдалъ,
Я шелъ сюда, рося лице
Мое горячими слезами,
И сбросилъ я мое кольцо,
И ужъ оно давно песками
Москвы рѣки занесено.
Въ тебѣ нашелъ я утѣшенье:
Тобой, отецъ, укрощено
Мое душевное волненье;—
Ты мысли дерзкія смирилъ.
Не предаваться лжи мечтанья,
Но быть покорливымъ училъ:

Искать отрады въ упованьѣ.
Стѣсненный, столько слабый умъ
Дастъ безпредѣльному ли грани?
Теряясь тщетно въ безднѣ думъ,
Должны признать весь бредъ желаній.
Трудомъ вѣковъ одно нашли,
Вопросъ превыспренній, небесный,
Пребудетъ тайной для земли.
Что изливается чудесно
Отъ Всемогущаго Творца,
Не разгадаемо тварями.
Ладья безсильнаго пловца,
Несясь надъ бурными волнами,
Скользитъ въ безвѣстный, грозный путь,
Предавшись волѣ Океана—
И тише станутъ вѣтры дуть,
И чёлнъ у берега, близь стана.
Безстрашный плаватель морей,
Скитаясь вѣкъ въ пустыняхъ водныхъ,
Въ чудесной крѣпости своей,
Съ большимъ запасомъ разнородныхъ,
Ему спасительныхъ веществъ,

И грозныхъ для его противныхъ;
Увидѣвъ свѣтъ и тьму существъ,
Все, что зовется въ мірѣ дивнымъ,
Какъ лебедь гордая летитъ,
Махая бѣлыми крылами,
На хребетъ зыбкихъ горъ паритъ
Корабль, взвѣвая парусами,
И разсѣкая все кормой,
Считаетъ онъ, отваги полный,
Борьбу съ стихіями игрой,
И вержетъ за волнами волны.
И вотъ послѣдняя волна
Плеснула и легла на воды.
На сводахъ ясныхъ два пятна
Вдали; тишь смертная—природы
Одинъ затѣйливый обманъ,
Предвѣстникъ вѣрный урагана.
Вдали вздымается курганъ....
Ряды водяныхъ великановъ
Растутъ, сливаясь въ цѣпи горъ,
Совокупляясь съ облаками;
Ихъ сокрушительный напоръ

Удары вторитъ за громами.
Грозятъ, пылая небеса;
Кипитъ ревущая пучина.
На тучахъ рѣютъ паруса,
И въ безднѣ гибель исполина.
«Люблю тебя, мой сынъ, люблю;
Но десять лѣтъ, что миновали,
Они равняются нулю;
Для насъ, какъ будто не бывали:
Мы тѣ же сердцемъ и умомъ;
Въ мужахъ на юношей похожи.
Зачѣмъ хвалиться намъ добромъ?
Не наше, если есть, — даръ Божій.
Не оправдаютъ насъ лѣта;
Нѣтъ для Предвѣчнаго итоговъ:
И въ долгой жизни пустота,
И въ кратковременности много.
Великій церкви іерархъ,
Отшедшій рано въ дверь могилы
И многовѣчный патріархъ—
Они равно Мафусаилы.
Не ждетъ спасеніе сѣдинъ:

И отрокъ чистый мужъ дѣлами.
Восходитъ солнце средь равнинъ,
И опочіетъ за горами
Равно прекрасное, горя
Огнями благодати чудной.
Всегда прекрасная заря
Сіяетъ въ были изумрудной.
Подходимъ къ смерти, не забудь;
Но какъ подвинулись дѣлами?
Передъ собой раскроемъ грудь:
Въ ней все волнуемо страстями
И кипятитъ все прежній пылъ.
Или, ты скажешь, сохранился;
Не тративъ даромъ жизни жилъ?
Но ты нейдешь, остановился.
Терпи, смирись, иди впередъ;
Тогда проси благословенья.»
Предвидитъ старецъ, или нѣтъ,
Узнаемъ. Даръ ясновидѣнья
Нисходитъ свыше, на людей,
Въ обитель чистоты сердечной.
Ихъ созерцательность вещей,

Молитвы, постъ и подвигъ вѣчный
Имъ раскрываютъ глубины,
И нѣтъ имъ тайны сокровенной.
Нѣмѣетъ злоба сатаны
Передъ крестомъ; имъ побѣжденный
Бѣжитъ отъ праведныхъ лица.
Но вотъ утѣшное для слуха,
Во имя (Троицы): Отца,
И Сына, и Святаго Духа,
Пріятный голосъ произнесъ
Тамъ, за келейными дверями.

ИНОКЪ.

Аминь. Зачѣмъ Господь принёсъ?

ПРИШЕЛИЦА.

И живы мы святыхъ мольбами.
Я, отъ святой твоей руки,
Пришла принять благословенье.
Вы столько жизнью высоки;
Такъ далеко въ пути спасенья,

Что вашъ святительскій совѣтъ
Мнѣ будетъ голосомъ небеснымъ.

ИНОКЪ.

Я многогрѣшный; но спасетъ
Господь; Его пути чудесны:
По вѣрѣ вашей дастся вамъ.
Для всѣхъ отверзтъ чертогъ желанный:
Срѣтаютъ Ангелы всѣхъ тамъ.
Потщимся быть среди избранныхъ:
Призывъ къ спасенію великъ.
Стократъ блаженъ угодный Богу;
Стократъ блаженъ, кто проводникъ
Къ тому прекрасному чертогу.

ПРИШЕЛИЦА.

Давно я въ свѣтѣ сирота.
Рѣзвилась я надъ той могилой,
Которой мать моя взята,
И не знакомъ мнѣ образъ милой.
Когда узнала цѣну ей,

Могилу эту цѣловала,
И дернъ надъ матерью моей
Слезами часто увлажала.
Мой добрый батюшка, и онъ
Давно въ странѣ обѣтованной.
О немъ я помню будто сонъ;
Но вопль семьи, ему преданной,
Когда отшелъ онъ въ лучшій свѣтъ,
Съ тѣхъ поръ, еще, мой слухъ такъ живо
Тревожить не перестаетъ.
Мечтала, послѣ, быть счастливой.
Всесокрушающій потокъ,
Стремительный и быстрый, время,
Уноситъ все въ свой путь далёкъ—
И жизни радости, и бремя.
Мнѣ состояніе и родъ
Такое дали въ свѣтѣ мѣсто,
Что высшій общества полётъ
Меня почтилъ считать невѣстой.
Ключи, съ богатствомъ, и съ цѣпьми
Мнѣ предлагали;—отвергала.
Осуждена была людьми;

Не отъ суда я трепетала,
Но быть съ немилымъ въ заперти.
Ключи, — я видѣла ихъ много,
Всѣ не вели къ тому пути:
Чужда имъ къ счастію дорога.
Златыя цѣпи хороши;
Но безъ любви, что въ жизни знатной?
Я заключусь на вѣкъ въ глуши—
Вездѣ съ любовью жить пріятно.
И тотъ счастливъ, кто дорожитъ
Спокойной жизнію свободной.

ИНОКЪ.

Но все Господь сердецъ рѣшитъ.
Идемъ, куда Ему угодно,
Чтобъ шли ничтожные рабы.
Что наши всѣ предположенья?
Неисповѣданны судьбы.
Расчетъ вѣковъ губитъ мгновенье.
Кто сердцемъ кротокъ, и смиренъ,
И не кичится духа силой,

Ни силою своихъ раменъ,
Ему ни крестъ, и ни могила
Не тяжелы и не страшны:
Несетъ онъ крестъ свой безъ роптанья,
Какъ щитъ противу сатаны;
Въ тѣлесной смерти упованье
Ему жизнь вѣчную явитъ.
Того отраднаго елея,
Который старцемъ въ душу влитъ.
Не ощущала въ жизнь Агнея:
Проникнулъ сердца въ глубину, —
Расторгъ боязни и сомнѣнье,
И откровенности струну
Потрясъ святымъ прикосновеньемъ.

ПРИШЕЛИЦА.

Купавшись разъ въ Москвѣ рѣкѣ,
Беру песокъ съ рѣчнаго лона:
Смотрю, и что же на рукѣ?
Кольцо, и съ именемъ Леона.
И съ этихъ поръ во мнѣ живетъ

И что томитъ меня—не знаю:
Какъ будто кто меня зоветъ;
Всегда кого-то ожидаю.
Порой сверкнетъ надежды лучъ,—
И на душѣ свѣтло, прозрачно;
То все покроетъ бездна тучъ,—
На сердцѣ такъ гнѣтетъ и мрачно.

ИНОКЪ.

Какъ назовешь ты эту власть,—
Источникъ твоего томленья;
Кто помогаетъ такъ упасть?
Завистникъ нашего спасенья,
Князь вѣка (*); да, ему страшны
Духъ радости, покой молитвы:
Готовы трезвые, сильны
Предупредить его ловитвы.
О чемъ теперь крушишь себя?
Полна какихъ противорѣчій:
Такъ независимость любя,

(*) Prince du siècle.

Бѣжишь свободы; а предтечи
Неволи явятся на кликъ;
Рука властителя готова
Тебѣ поднесть ярмо веригъ,
И понесешь его оковы,
Чьи, можетъ быть, твой гордый духъ
Принять отвержетъ. Этотъ жданный—
Бѣднякъ? Мечтательный супругъ—
Изъ свѣта вашего изгнанный?
Что, если твой Леонъ теперь
Въ дверяхъ такой же тѣсной кельи?
Взгляни въ себя; себя провѣрь.

ПРИШЕЛИЦА.

Довольство можетъ жить въ ущельяхъ,
И не бывать среди палатъ.
Что нищета для нищихъ духомъ?
Блаженство есть для нихъ стократъ:
Неслыханное нашимъ слухомъ,
Непостижимое умомъ
И не мелькавшее предъ окомъ.

Но что отраднѣе въ земномъ—
Согласія въ пути широкомъ?
И, если мудрый проводникъ,
Опора слабому творенью,
Онъ облегчитъ ярмо веригъ
И проведетъ къ дверямъ спасенья.

ИНОКЪ.

Такъ, нищій духомъ нищету
Сноситъ умѣетъ безъ роптанья;
Онъ видитъ ясно пустоту,
Ничтожность нашего стяжанья:
Что сохранимо отъ огня,
Чѣмъ ныньче мы красны, надменны,
То, утромъ же другаго дня,
Намъ освѣтитъ гробъ ованленный.
Кто духомъ простъ и сердцемъ чистъ,
Безъ всѣхъ расчетовъ столь невѣрныхъ,
И какъ гласитъ Евангелистъ,
Всѣхъ утѣшитель правовѣрныхъ:
Блаженъ, кто духомъ нищъ. Блаженъ

И на землѣ, душей спокоенъ,
Блаженъ и въ небо преселенъ,
Быть въ царствѣ вѣчномъ удостоенъ.

Агнеся къ розовымъ устамъ
Сухую руку прижимала;
Она упала бы къ ногамъ,
Но длань смиренная держала.
Ея духъ сильно возмущенъ;
Она проходитъ на кладбище.
Къ вечернямъ заунывный звонъ,
И мертвыхъ мрачное жилище
Съ души тоскливости недугъ
Согнать ни мало не способны:
Кресты могильные во-кругъ;
Вездѣ одинъ привѣтъ надгробный.
Но думы, посреди гробовъ,
Не заглушали отъ Агнеи
Ударовъ тихихъ, отъ шаговъ,
Такъ близко ставшаго предъ нею,
Что вздохъ глубокой изъ груди

Коснулся блондовой вуали;
Въ глазахъ, свѣтлѣвшихъ впереди,
Агнеи видимо мелькали.
И встрѣчный сталъ среди тропы,
Забывши какъ узка дорожка.
Направить мимо ли стопы?
Но эта маленькая ножка
Лишь для того сотворена,
Чтобъ по цвѣтамъ порхать ей лѣтомъ,
И мотылькомъ скользитъ она
По лакированнымъ паркетамъ.
Искусство лазить по гробамъ
И пыль стряхать археологу,
И нестрашливымъ мужикамъ
Спускать въ могилу твердо ногу,
Съ желѣзнымъ заступомъ своимъ,
И кости бить рукой проворной.

ВСТРѢЧНЫЙ.

Пускай я вамъ кажусь смѣшнымъ;
Но страшенъ мнѣ поступокъ черный.

Что цѣнишь очень высоко,
Гордяся имъ не родословной,—
Она идетъ не далеко,
И это все, минутой ровно,
Утратить грустно, тяжело.
Святая правда—завѣщанье
Моихъ родныхъ въ глуби легло:
Лелѣялъ это достоянье
Отъ самой юности моей.
Оно утѣхой, услажденьемъ
Мнѣ было въ пору тяжкихъ дней—
И гдѣжъ оно, въ одно мгновенье?
Чья жизнь была всегда чиста;
Кто не таилъ свой вѣкъ чужова;
Не знали лжи его уста
И слухъ заповѣднаго слова,
Украдкой нынче слушалъ васъ,
Смущенъ злодѣемъ смертныхъ роду.
Преступникъ этотъ, въ первый разъ,
Тотъ самый, кто забросилъ въ воду
Свое любимое съ руки.
Но что должно быть сохранимо,

Извлечено со дна рѣки.
Все намъ темно, непостижимо;
Но ничего безъ цѣли нѣтъ:
Отъ насъ сокрыты къ ней проводы;
Но насъ невидимо ведетъ.
Порядокъ вѣченъ для природы —
Нѣтъ измѣненій, внѣ чудесъ.
Въ поступкахъ нравственныхъ свободны:
Данъ произволъ намъ отъ небесъ,
Рабомъ быть Господу угоднымъ,
Иль духу злобному слугой;
Но естеству даны предѣлы.
Съ краевъ поверхности земной
Разъ встрѣтясь люди, точно цѣлый
Вѣкъ знакомы и коротки;
Съ другимъ живете не разлучно,
И безотчетно далеки:
Обѣимъ вамъ другъ съ другомъ скучно.
Любить умѣемъ и страдать;
Но выше всякаго искусства
Языкъ любви истолковать,
Поставить грани нашимъ чувствамъ.

Сочувствію послушный звукъ
Струнъ сердца раздался: честь, слава,
И все заглушено имъ вдругъ.
Любовь затопитъ все какъ лава,
И поражаетъ все какъ громъ.
Ключъ простъ, какъ ни хитра загадка.
Зачѣмъ раздумье надъ кольцомъ,
Не взглядъ простой на вещь украдкой?
Зачѣмъ, давно забывшій свѣтъ,
Идетъ чужія слушать рѣчи —
Свою въ нихъ тайну узнаетъ,
И, не краснѣвши, исчетъ встрѣчи?
Не узнаетъ себя Леонъ.
Вопроса нѣтъ; но есть отвѣты.
Священный храмъ, въ которомъ онъ,
За часъ, готовъ былъ дать обѣты;
Пріюты крайніе людей,
И самыхъ близкихъ сердцу гробы —
Свидѣтели какихъ рѣчей?
Но сихъ жильцовъ земной утробы,
Быть можетъ, слышенъ вопль вдали;
Но чернорясецъ бородатый

Смѣшенъ живущимъ на земли,
Ременнымъ поясомъ объятый,
Спустивши волоса до плечъ,
Сухой какъ смерть, въ стану могильномъ,
Къ прекрасной обращая рѣчь.
Леонъ и твердый, и безсильный;
Слѣпецъ, и ясные глаза;
И все предъ нимъ его смѣшное,
И каплетъ крупная слеза,
И живо въ памяти святое.
Не знала ты меня сестра. . . .
И я зову тебя сестрою?
Одна ли это словъ игра?
Но коротокъ я сталъ съ тобою,
Дерзнувши тайно заглянуть
Въ тайникъ души твоей прекрасной.
Леона помни, иль забудь. . .
Счастливецъ онъ, или несчастный?
Сказавши, удалился онъ
Такъ скоро, что едва Агнея
Могла произнести, Леонъ,
Его остановить не смѣя.

Внезапной встрѣчею она,
Кого въ душѣ давно искала,
Была совсѣмъ оглумлена.
Что здѣсь Агнея не видала,
Ни чернорясца простяка,
Ни неумѣстныхъ объясненій,
Не мудрено, смотря слегка
На это все. Въ чаду сужденій
Довольно странныхъ, въ оны дни,
Когда искали съ древнимъ сходства,
И, какъ бывало искони,
Мѣшали съ рѣзкимъ благородство,
Ей показался и Леонъ,
Для чернорясца, милъ, свободенъ,
И увлекательно уменъ,
Въ пріемахъ простъ и благороденъ.
Агнея, юный врагъ тщеты,
Всегда вторивши за пророкомъ,
Все суета есть суеты,
Роптать не стала передъ рокомъ.
Счастливъ, кто думаетъ свѣтло,
Минуетъ многихъ огорченій;

На сердцѣ у него тепло.
Тщета зародышъ всѣхъ мученій.

Но тяготитъ Леона власть
Непостижимаго паденья.
Сильна, могущественна страсть,
Вспыхнувшая въ уединеньѣ.
Её лелѣялъ и хранилъ
Въ груди отшельникъ, безъ сознанья;
Её бы въ ней и схоронилъ,
Не встрѣтивъ чуднаго созданья.
Что чувства въ обществѣ людей—
Ихъ разслабляютъ развлеченья.
Рабы холодные страстей
Не знаютъ пылкаго стремленья
Того кипучаго огня,
Который бьется въ каждой жилкѣ,
Который тайно исчетъ дня,
Какъ подъ смолой эрфиксъ въ бутылкѣ:
Едва его коснется свѣтъ,

Летитъ изъ заключенья пѣной,
И, вырывая, вонъ несетъ
Вину томительнаго плѣна.

Всегда нашъ старецъ на ногахъ
Передъ налоемъ, у лампады.
У ногъ его Леонъ въ слезахъ:
Онъ въ немъ привыкъ искать отрады.

ЛЕОНЪ.

Сними съ моей души ярмо.
Мой стыдъ передо мной; но поздно:
Его не смоется клеймо.
Твой свѣтлый взоръ мнѣ смотритъ грозно,
И жду кары моей съ небесъ.
Возопіютъ мнѣ эти стѣны,
Я въ нихъ позоръ свой произнесъ:
Онѣ свидѣтели измѣны.
Возопіетъ мнѣ мертвыхъ стонъ:

Я посягнулъ на миръ кладбища;
Я потревожилъ вѣчный сонъ;
Я оглушалъ костей жилище
Моею рѣчью о земномъ.
Искалъ её, и гдѣ же встрѣтилъ?
Въ пріютѣ тихомъ гробовомъ.
Гласилъ мнѣ совѣсти мой пѣтелъ;
Его я гласомъ пренебрегъ.
Была мнѣ пропасть очевидна;
Остановить себя не могъ—
Шагнулъ и палъ стремглавъ постыдно.
Зловѣщій сонъ, мое кольцо,
И любопытство — искушенье.
Я весь въ огнѣ. . . . горитъ лицо.

СТАРЕЦЪ.

Смиреніе, мой сынъ, смиренье.
Тебя невидимо рука
Надъ самой пропастью хранила,
И отъ святаго клобука
Чудесно такъ остановила.

Тебѣ достанетъ столько силъ,
Надѣвши черную мантію,
Не отступить. Но тотъ постылъ,
Кто принужденно клонитъ выю.
Рѣшась на самый крайній шагъ,
Откуда тылу нѣтъ до гроба,
Изслѣдуй, кто зоветъ: твой врагъ,
Вездѣ стрегущая насъ злоба,
Или Господь, кого ты рабъ?
Горой пылинкѣ возноситься?
И не смиренъ, и духомъ слабъ:
Превознесый себя смирится.
Вотъ, здѣсь, у брега малый челнъ,
Пловецъ смиренный въ Божьемъ страхѣ,
И гордый попиратель волнъ
Лежитъ повергнутый во прахѣ.
Гдѣ этотъ подвигъ многихъ лѣтъ?
О ты, любезное мнѣ чадо,
Отступникамъ награды нѣтъ:
Въ концѣ терпѣнія награда.
Ты задремалъ, ты спишь — воспрянь;
Есть время впереди, размысли.

Ты спотыкнулся, палъ — возстань;
Смотри: все взвѣсь, размѣрь, изчисли.
Что въ свѣтѣ выше чистоты?
Господь женихъ, наперстникъ чистыхъ.
Бѣжишь отъ тиховодья ты
На океанъ, всегда волнистый.
И ты узналъ, и ты вкусилъ
Келейной жизни миръ и сладость.
Припомни, сынъ, ты позабылъ,
Что въ свѣтскихъ проискахъ не радость.

ЛЕОНЪ.

Когда всемощная рука
Міровъ явила милліоны;
Какъ безпредѣльная рѣка
Свѣтъ излился на небосклоны;
Земля невѣстой убрана:
Цвѣтами выси запестрѣли,
И заблистала глубина,
И ярко небеса зардѣли;
Чудесно брошено зерно

Для оживленія природы—
Все стало жизнію полно:
И воздухъ, и земля, и воды;
Творенью созданъ былъ вѣнецъ,
Тогда, предвѣдый вся судьбины,
Изрекъ прекраснаго Творецъ:
Быть не добро ему единымъ.

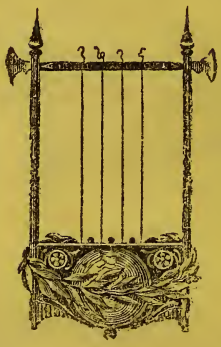
СТАРЕЦЪ.

Иди, куда указанъ путь;
Но всюду запасись смиреньемъ.
Опять, уставши отдохнуть
Придешь, принять благословенье.
Укроетъ странника стѣна,
И не однажды здѣсь проглянетъ
Къ нему прекрасная весна;
Здѣсь, при тебѣ, не разъ увянетъ
И оживетъ ея цвѣтокъ.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:	*Читай:*
Стр. 12 стр. 19 разостланы,	разостланы.
— 18 — 7 и разсѣкая	и, разсѣкая
— 34 — 14 Но коротокъ я сталъ съ тобою,	Но я сталъ коротокъ съ тобою,
— 38 — 14 лицо.	лице.



LIBRARY OF CONGRESS
00025273576